

За пределами Длинной Беседки, где пепелятся персиковые иероглифы,

Жалко цветов, но они — люди грядущего.

С кем разделить это пышное цветение?

Лишь молвят: холодный цветок по-прежнему полон жалости.

Беседки и павильоны, извилистые коридоры, весенние цветы на рассвете.

Персиковые деревья в полном цвету, весь сад усыпан летящими лепестками. Сы Циюань в белых одеждах тихо сидит в Длинной Беседки, легко перебирая струны цитры Яоцинь.

Стоит кончикам пальцев извлечь два-три звука, как лепестки устремляются за музыкой, сплетаясь в огромный узор парчового занавеса.

Персиковые цветы здесь имеют совершенно уникальный оттенок — бледно-пурпурный.

Говорят, что хозяин Башни Цзыюань Сы Циюань безумно любит пурпурный цвет, поэтому и пересадил сюда эту мутировавшую разновидность из дальних земель. Все перипетии этого дела мало кому известны.

Летающие лепестки хаотично кружатся в воздухе.

Лязг!

Звуки цитры резко обрываются.

Все пять пальцев одновременно опускаются на струны, Сы Циюань поднимается, собираясь уйти.

В таком саду, сплошь засаженном пурпурными деревьями, пожалуй, тоже следовало бы облачиться в пурпурные одежды, чтобы не казаться чужеродным.

Едва он делает шаг, как из глубин персиковой рощи доносится звучный смех:

— Почему же хозяин Башни Цзыюань всякий раз убегает, едва увидев меня?

Не успевает затихнуть голос, как гость уже сидит в беседке, осушая единственную стоявшую на столе чашку чая.

Сы Циюань даже не смотрит на пришедшего и спокойно произносит:

— Ты выпил мой чай.

— Я не только выпил твой чай, но и надел твои одежды, и заимствовал твое лицо. Оглянись-ка, посмотри на мой сегодняшний наряд — разве нельзя принять за чистую монету?

Пришедший облачен в пурпурные одежды, а его чистая и утонченная внешность на восемь-девять десятых схожа с лицом Сы Циюаня. Если бы не его праздный вид и лукавая усмешка в уголках рта, и впрямь можно было бы принять за подлинник.

Настоящая беда явилась, неприятности липнут со всех сторон.

Сы Циюань вздыхает, возвращает на место уже занесенную ногу и смотрит на этого человека.

Тысячи ароматов, чистая и безмятежная беседка — разве гость смеет принимать чужой облик, облачаться в чужие одежды да еще и пить чужой чай?

В былые времена подобный человек мгновенно превратился бы в труп.

Но сегодня этот человек — другой.

Е Ханьянь.

Лучший друг Сы Циюаня и в то же время самый хлопотный из всех его друзей.

У Е Ханьяня есть одна слабость: он обожает всё невероятно прекрасное, людей невероятно красивых и в любой момент не упустит случая сменить наряд на завидное убранство; надо полагать, сегодня исключения не было.

Сы Циюань отводит взгляд обратно к беспорядочно падающим лепесткам, словно скорбя исключительно об этих растоптанных Е Ханьянем персиковых цветах:

— Зачем пожаловал?

Е Ханьянь срывает лепесток персика, словно раздумывая о чем-то:

— Почему твои персиковые цветы не увядают во все четыре сезона, да и цветом отличаются от обычных? Откуда ты их добыл?

Сы Циюань не отвечает, переводя взгляд в глубину персиковой рощи.

Е Ханьянь задает этот вопрос уже раз десятый, но тот ни разу не ответил.

У любой секты есть свои тайны, о которых никто не должен вековать; таковы и персиковые цветы Башни Цыюань.

Сы Циюань равнодушен к славе и выгоде, всякий раз он сидит лишь под персиковым деревом и перебирает струны цитры; разве пышный сад бледно-пурпурных цветов не подчеркивает утонченность Башни Цыюань еще ярче?

— Ты отнюдь не любитель любоваться цветами, к чему тебе заботиться о том, розовые они или пурпурные? — На ладонь падает сорванный лепесток, Сы Циюань касается бледной пурпуры и глухим голосом произносит: — Какую очередную напасть ты притащил с собой?

Е Ханьянь:

— Разве я не могу прийти к тебе просто ради того, чтобы испить чаю?

— Чаю? — холодно усмехается Сы Циюань. — Или, быть неотделимым от правды, ты уже воспользовался моим неотличимым от подлинника обликом, чтобы уладить свои дела, и лишь после этого у тебя появилось настроение для чаепития?

Е Ханьянь прекращает улыбаться, достает из-за пазухи семицветное девятилепестковое каменное цветение и кладет на каменный стол:

— Я получил этот семицветный цветок с девятью лепестками.

Цветок делится на девять лепестков длиной в целых два дюйма, из сердцевинки исходят семь лучей света, переливающихся в лунном сиянии — зрелище поистине великолепное.

Сы Циюань бережно приподнимает этот цветок, всматриваясь в траекторию семи световых лучей, словно под воздействием некоего колдовства в глубине его сердца поднимается холод:

— Рантянь.

Быстро вернув цветок на каменный стол, Сы Циюань хмурится:

— Ты ведь говорил, что на свете есть всего две вещи, от которых ты не можешь отказаться, и этот цветок — как раз одна из них?

— Верно, — спокойно отвечает Е Ханьянь. — Именно поэтому мне нужна твоя помощь.

Если ради привлечения Е Ханьяня к делу была задействована одна из столь ценных вещей, значит, это происшествие несомненно сулит великие хлопоты.

— Мы не друзья. — Сы Циюань убирает цитру, поворачивается и шагает в персиковую рощу. — По крайней мере, не сегодня. Я намерен искупаться и сменить одежды, так что предоставлю тебя самому себе, извольте извинить.

Раздается свист нефритовой флейты. Е Ханьянь безмятежно восседает в кресле, вертя в руке старинную нефритовую флейту и извлекая из нее совершенно несочетаемые звуки.

Персиковые цветы, словно не выдержав терзаний беспорядочных звуков флейты, сыплются наземь.

— Молодой господин Юань, если бы ты играл на цитре, а я подыгрывал на флейте, мы бы наверняка покорили мир цзянху, но вот беда: этот грубиян, кроме демонических мелодий призрачной флейты, которым меня научил учитель, право слово, не умеет обращаться с подобными изящными вещами.

Е Ханьянь небрежно крутит нефритовую флейту и с улыбкой произносит:

— Впрочем, эта твоя нефритовая флейта Флейта Феникса должна пойти по хорошей цене, да и этот Белый нефритовый веер, несущий облака — всё это сущие сокровища поднебесной.

Сы Циюань останавливается и прослеживает за взглядом Е Ханьяня: и впрямь, за поясом у того заткнут его самый дорогой Белый нефритовый веер, несущий облака, а в руке он держит его нефритовую флейту Флейту Феникса.

Если Е Ханьянь сейчас покинет Башню Цзыюань, люди из девяти филиалов башни не только не станут чинить ему препятствий, но еще и почтительно позволят горделиво удалиться.

Потому что он носит лицо хозяина Башни Цзыюань и владеет его личным знаком.

Е Ханьянь безудержно и дерзко смеется.

Продать — поистине превосходная идея.

Если присмотреться повнимательнее, можно заметить, что этот человек, вылитый хозяин Башни Цзыюань, начисто лишен всякого изящества и ведет себя предельно вульгарно.

Персиковые лепестки медленно падают вдоль рукавов Сы Циюаня, словно оплакивая гнев хозяина.

Сы Циюань резко разворачивается, стремительно подхватывает цитру, и из ее корпуса молниеносно вылетает Меч Ясного Неба и Лунного Побега. Вспыхивает сияние клинка, окрашивая пурпурные лепестки в яркие тона, и он вонзается в Е Ханьяня.

Леденящая Ци меча обращается кровью.

Лицо Е Ханьяня не меняется, улыбка не сходит с губ; он вытягивает из-за пояса Белый нефритовый веер, несущий облака, с хлопком раскрывает его и подается навстречу выпад Меча Ясного Неба и Лунного Побега.

Шаг назад, еще шаг.

Сы Циюань сурово бросает:

— Брать без спросу — значит воровать.

— Я — Первый вор поднебесной, — бесстыдству Е Ханьяня нет равных.

— Ах ты ж великий вор, промышляющий на больших дорогах, чужие сокровища тоже норовишь прихватить по пути!

— Верни мои вещи! — Воскликая это, Сы Циюань стремительно меняет технику, обращая Ци меча в шестнадцать потоков, которые с шестнадцати сторон наглухо перекрывают Е Ханьяню все пути к отступлению.

— Ты же прекрасно знаешь, что в поднебесной никто не способен отнять у меня добычу. Неужто не веришь? — Е Ханьянь делает четыре шага назад, отступая в самую сердцевину шестнадцати потоков меча.

Какая бы то ни была техника, в ней всегда есть изъян. Шестнадцать потоков Ци меча сильны, они окружили его со свирепостью бури, но среди этого кольца непременно останется одна щель, способная сокрушить владение мечом.

Мысли Е Ханьяня проносятся со скоростью молнии: он складывает веер, упирая его прямо в острие клинка.

Две потока внутренней энергии в одно мгновение размерывают лепестки персика в клочья.

Сы Циюань убирает меч, поворачивается спиной и позволяет персиковым цветам хаотично опадать.

Он замирает в позе со взором, устремленным на цветы, его лицо неподвижно, черные как смоль волосы взметаются от порыва ветра и вновь легко опускаются на плечи, а несколько лепестков оседают на прядях — поистине образ предельного изящества.

Е Ханьянь слегка запыхался: казалось бы, простой прием прорыва меча стоил ему почти десяти десятых всей его внутренней энергии; если бы Сы Циюань не отвел меч и не отвернулся, эта вынашиваемая им полдня аура изящества непременно обернулась бы полным позором.

— Давно не виделись, а твоя сила возросла. Похоже, чтобы одолеть тебя, мне непременно придется прибегнуть к хитрости: в грубой силе я навсегда останусь побежденным.

Сы Циюань холодно бросает:

— Разве с того самого мгновения, как ты притворился мной, ты не занимался хитростью?

Е Ханьянь подходит к каменному креслу, садится и произносит:

— Этот Каменный Цветок — долг благодарности моего никчемного седьмого учителя. Если я не верну его за нее, боюсь, в будущем они заявятся на Гору Линшань и нарушат покой учителя. Долги отца выплачивает сын, а милость учителя отрабатывает ученик — так заведено испокон веков.

— Впервые вижу тебя столь соблюдающим правила и почитающим наставников. Если семеро старших из Святых Руки Семи Затворов не желают показываться на глаза людям, кто сможет их отыскать? — Сы Циюань убирает меч обратно в цитру и говорит: — Тебя привлекает лишь сложность этого дела.

Е Ханьянь ухмыляется:

— Разумеется. Чем сложнее задача, тем выше чувство удовлетворения. А коль зашел разговор о тех семи старых чудовищах — Мастер Медицины, Мастер Ядов, Мастер Воровства, каждый владеет непревзойденным искусством, но вот беда: боевые искусства у них отнюдь не выдающиеся. Не будь оно так, разве стал бы я тебе проигрывать?

Рассуждая о своих учителях, он не выказывает ни малейшего уважения к старшим, отчего Сы Циюань невольно вздыхает про себя:

— Выкладывай, что за вещь предстоит украсть?

Е Ханьянь:

— Бай Ю.

Хлоп!

Кончик пальца легко разминает упавший цветок.

Лицо Сы Цюаня, чистое и благородное, слегка меняется в оттенок:

— Ты осознаешь последствия?

Е Ханьяню нет дела до связанных с этим опасностей, и он безмятежно продолжает:

— Требуемый ими Бай Ю хранится в запретных покоях императорского дворца, где расставлены Массив Самострелов, Карающих Бессмертных, Разъедающий Кости Мрачный Источник, Путь Истинного Огня Южного Мин, Массив Таинственного Ледяного Девяти Пула, а также Платформа Вопросания Сердца. Это дело затрагивает императорский дом, оно куда сложнее обычной кражи в мире цзянху.

Мало того что затрагивает императорский дом, оно тянет за собой весь Подлунный мир. Сы Цюань молчит добрую половину мгновения:

— И тем не менее ты взялся за это?

Е Ханьянь говорит с серьезным видом:

— Именно поэтому мне и требуется твоя помощь. Мне нужно, чтобы ты направил Жадного Волка, Гигантские Врата, Зеленую Власть, Воина Музыки и Разрушителя Армий взломать эти пять путей.

— А если я не помогу, что тогда?

— Я умру.

— Ну умрешь, мне-то какое дело?

— Я-то помру своей смертью, тебе, конечно, никакого дела, — Е Ханьянь кладет нефритовую флейту Флейту Феникса и Белый нефритовый веер, несущий облака, на каменный стол и безмятежно изрекает: — Даже если я кое-как выкраду эту вещь, меня тяжело ранят внутренние стражи, а с тяжелым ранением меня непременно схватит дворцовая стража.

Поймав же, они станут изощряться сотней способов замучить меня до смерти. Разве твое сердце стерпит, чтобы твой друг принял столь неблагопристойную кончину?

Сы Циюань смотрит на Е Ханьяня:

— Помирать так помирать, какая разница, как именно!

В глазах Е Ханьяня мелькает лукавый огонек:

— Погляди на меня, человека, столь истово стремящегося к красоте. Если я умру слишком безобразно, в следующей жизни при перерождении наверняка выйду дурнушкой — тьфу ты, дурным лицом, а коли буду некрасив, непременно стану из кожи вон лезть, чтобы свести себя в могилу: то ли заживо сгину во чреве матери, то ли после родов тысячью способов покончу с собой. Каким бы ни был способ ухода из жизни, мои папа и мама в той будущей жизни станут горько оплакивать утрату сына, терзаясь и убиваясь от горя. Как я, столь добросердечный человек, могу стерпеть вид их страданий? Сам посуди, разве я могу в этой жизни умирать, если должен предотвратить подобную трагедию?

— Какой же ты на редкость понимающий.

— Разумеется.

Сы Циюань подбирает со стола Флейту Феникса и веер, пряча их в рукава:

— Впредь постарайся реже касаться моих вещей, берегись — как бы не сгореть в собственном огне.

— Ладно-ладно, не буду трогать, — в глазах Е Ханьяня плещутся персиковые лепестки, и он щурится с улыбкой. — Так ты одолжишь мне своих людей?

На его лице запечатлелось выражение человека, которому жизнь не мила и который молит о пощаде. Сы Циюаню на ум приходят лишь два слова:

Бессовестный мошенник.

И тем не менее он отчеканивает с непоколебимой твердостью:

— Не одолжу.

Е Ханьянь на мгновение замирает, а затем срывает персиковый лепесток, словно с самого начала ожидая именно такого ответа.

Сы Циюаня внезапно охватывает предчувствие, что должно случиться нечто дурное, и он резко бросает:

— Откуда тебе известны пять затворов в запретных покоях дворца?

Е Ханьянь понимающе улыбается, и ответ становится очевиден сам собой.

— Ты уже побывал там? — Кончики пальцев Сы Циюаня сжимаются до багровых следов. — Ты пришел сегодня вовсе не за тем, чтобы попросить у меня людей, а чтобы вернуть их. Иными словами, ты выдал себя за меня, воспользовался моим знаком, поднял по тревоге пять филиалов моей башни во главе с Жадным Волком и провернул свое воровское дело?

На лице Е Ханьяня проступает лукавство:

— Я ведь знал, что тебе жалко одалживать людей, вот и поступил по-своему, поставив тебя перед фактом.

— Е Ханьянь! Я почитаю тебя за друга, а ты взял да за бесценок продал меня!

Стоит мечу Морозных Перьев Пурпурной Ночи прийти в движение, как в руке Сы Циюаня мгновенно вырастает огромный ледяной цветок, отражая его заледеневший лик.

Е Ханьянь упирается носками в землю и вместе с пурпурными одеждами взмывает ввысь, вылетая из персиковой рощи:

— Если с этим хвостом не сумеешь справиться даже ты, в поднебесной, пожалуй, больше не останется Первого вора! Я пришел лишь сказать тебе: раз уж какое-то дело свершилось, как ни пытайся стереть следы, тот человек во дворце непременно докопается до самой сути по ниточкам, так что я лишь уповаю на то, что ты сможешь потянуть для меня время!

Сы Циюань с холодным выражением лица гасит ледяной цветок на кончиках пальцев:

— Да чтоб тебя разорвало.

Е Ханьянь явно замыслил перекинуть беду на чужие плечи, а уж если он решил удрать — за ним никто не поспеет.

Сы Циюань возвращается в башню, подзывает управляющего Чу Чжунаня и швыряет тому под ноги пурпурные одежды:

— Когда именно была начата операция?

Едва прозвучал этот вопрос, как Чу Чжунань понял, что его надул Е Ханьянь, и опустился на колени с поразительной быстротой:

— Прошлой ночью. По лицу отличить фальшивого хозяина было невозможно, но в руке он покачивал Белый нефритовый веер, несущий облака, а за поясом у него торчала Флейта Феникса.

— Ты же должен знать, что я бы скорее умер, чем позволил вам соваться в то место.

— Так точно, подчиненный готов понести наказание.

— Оставим это. Каковы потери? — Сы Циюань взмахивает рукой. Если бы искусство маскировки Е Ханьяня можно было раскусить с полпинка, он бы не звался Е Ханьянем.

Остается винить лишь то, что выпало быть братом Е Ханьяня — это когда тебя приставляют к стене и тут же продают.

Чу Чжунань докладывает:

— Ранено семь человек, раны им обработали незамедлительно.

— Даже если раны обработаны, разве она не сможет распознать подвох? — У Сы Циюаня от боли идет кругом голова, и лишь спустя долгое время он произносит: — Пусть залечат раны и охраняют башню. Больше подобное не повторится.

— Тогда насчет этого дела...

— С этим я разберусь сам.

<http://bllate.org/book/21826/2260523>